
**НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ: ГИПОТЕЗЫ
НЕМЕЦКИХ ЭКСПЕРТОВ**
(Реферативный обзор)

Группа исследователей – сотрудников Германского института международной политики и безопасности (Берлин) подготовила доклад, посвященный современным тенденциям внешней политики России. Подача материалов построена как ряд гипотетических сценариев. Публикация вызвала широкий резонанс (в том числе в Интернете). После ее выхода в свет уже произошли некоторые события в мировой политике, которые не «вписались» в предлагаемые сценарии: например, неожиданный итог президентских выборов в США.

Подготовка подобной работы была обусловлена, как подчеркивают ученые, «непредсказуемостью и неожиданностью» российской внешней политики в последние годы. «Москва, похоже, тактически использует свою непредсказуемость для того, чтобы в практической плоскости перехватывать инициативу» [Fischer, Einleitung, S. 5], отмечается во вступительной статье к сборнику.

В ней (авторы – *Сабине Фишер* и *Маргарете Кляйн*) подчеркивается, что, начиная с 2013 г., в рос-

сийской внешней политике присутствуют многочисленные неожиданные повороты, граничащие с риском и способные привести к непредсказуемым последствиям для европейской и международной безопасности. «Трудно оценить действия России во внешней политике еще и потому, что соответствующие процессы принятия решений не прозрачны и происходят без открытого обсуждения в стране» [Fischer, Einleitung, S. 5]. В связи с этим принимаемые российским руководством решения бывают молниеносными, не согласованными с зарубежными партнерами, не получившими одобрения внутри страны.

Понятно, что события в Украине или в Сирии не возникли ниоткуда. В их основе лежало развитие, которое длительное время в должной мере не замечали ни эксперты, ни политики в Германии, Евросоюзе или даже в России. И все же, как считают руководители проекта, серьезные причины этой проблемы кроются в игнорировании восточноевропейских исследований на Западе. «Экспертная оценка развития Восточной Европы со стороны Евросоюза систематически упразднялась на институциональном уровне в течение прошедших лет. В этих условиях оказалось невозможным интенсивно изучать политические процессы в России и во всем регионе» [с. 5]. К тому же в определении тематики исследований большую роль играет политическая конъюнктура. Например, российско-

грузинский военный конфликт 2008 г. и события в Крыму весной 2014 г. пришлось на финансовый и институциональный кризисы внутри ЕС, а также «арабскую весну». Эти масштабные события оттеснили Восточную Европу из общественного и политического восприятия, в результате чего растущее напряжение в отношениях России и Запада было замечено слишком поздно.

Кроме того, политика Германии и ЕС часто ожидается на иллюзорном и ошибочном восприятии происходящего. «Цветные революции» 2000-х годов на постсоветском пространстве различались и интерпретировались по шаблону: «демократический vs недемократический»; «прозападный vs пророссийский». Это приводило к политике, не способной реагировать дифференцированно на возникающие проблемы в отдельных государствах региона. А между тем геополитическое напряжение в Восточной Европе становилось все глубже. «В конечном счете Евросоюз из-за внутренних разногласий был долгое время не в состоянии проводить упреждающую и последовательную политику в этом регионе» [Fischer, Einleitung, S. 7].

В сборнике рассматриваются 11 вариантов развития событий, которые могут произойти в ближайшие годы в различных регионах мира. Особое внимание обращено на четыре фактора, которые накладывают отпечаток на внешнюю политику России. Это – внешнеполитические интересы

России и их восприятие, инструменты внешней политики, взаимозависимость, условия и ограничения действий.

Все статьи объединены в четырех тематических блоках: 1) ЕС – Европа; 2) другие регионы; 3) проблемы Интернета, энергетики и безопасности; 4) Евразия.

Среди стран Евросоюза для анализа выбраны две страны – Франция и Германия: первая в контексте отношения Кремля к предстоящим в мае 2017 г. выборам президента; вторая как объект дискредитации со стороны Москвы.

Лиана Фикс и Роня Кемпин отмечают, что подготовка к президентским выборам во Франции, начавшаяся с регионального уровня в 2015 г., показала рост влияния Национального фронта. Республиканцы и социалисты определились со своими кандидатами значительно позже. Марин Ле Пен уже в октябре 2015 г. представила серьезную выборную программу. Как указывается в статье, ее партия получила кредит свыше 25 млн евро от Первого Чешско-Российского банка [Fix, S. 15], что позволило НФ продолжить активную кампанию и улучшить свои оценки по результатам опросов. Незадолго до рождественских праздников 2016 г. французское бюро российской радиостанции «Спутник» озвучило документы, которые должны были серьезно повлиять на предвыборную борьбу. Речь шла о тайных договоренностях социалистов с представителями НФ выступить сообща против ведущих кандидатов от Республиканской

партии. Во втором туре праймериз Марин Ле Пен завоевала второе место, уступив лишь Алену Жюппе, которого считали тогда наиболее вероятным будущим президентом Франции.

Немецкие эксперты полагают, что парламентские выборы 2017 г. продемонстрируют слабость французских левых и разочарование избирателей в республиканцах – «ветеранах», за которых снова не хотят голосовать. Таким образом, вопреки всем прогнозам Национальный фронт станет сильнейшей партией в Национальном собрании Франции. Для Партии республиканцев и нового президента союз с Ле Пен представит единственно возможным вариантом [Fix, S. 15–16].

Попытка России повлиять на исход выборов во Франции определяется, по мнению экспертов, двумя первоочередными задачами. Во-первых, это попытка ослабить способность стран ЕС принимать и осуществлять решения. Во-вторых, Москва стремится «похоронить» трансатлантические отношения. С этой целью Кремль поддерживает те политические силы в Европе, которые работают над данной повесткой дня, независимо от того, представляют они левые или правые партии. Арсенал средств довольно обширен: «от финансовой помощи и экономического воздействия до политической дискредитации и мобилизации меньшинств», а также использования институтов культуры в качестве «мягкой силы» [Fix, S. 16]. Для российской стороны особый инте-

рес представляет правоконсервативный лагерь Франции, поскольку он открыто симпатизирует Москве. «Таким образом, России нужны незначительные средства – например, кампании по дезинформации или дискредитации посредством СМИ... для того, чтобы повлиять на соотношение политических сил во Франции и ходе выборов 2017 г.» [Ibid].

Сюзан Стюарт – автор статьи, посвященной российско-германским отношениям, довольно подробно описывает возможный сценарий развития этих отношений. Она считает, что основными причинами роста враждебности со стороны Москвы являются введение санкций (которые могут быть продлены и в 2017 г.) и усиление сопротивления внутри ЕС строительству «Северного потока-2».

В этих условиях российские СМИ показывают неспособность Германии решить проблему беженцев, отмечают усиление влияния праворадикальных сил, которое таит в себе опасность прихода к власти фашистских партий. Эта тема развивается в контексте высказываний «некоторых российских немцев, которые жалуются, что их безопасность и права не гарантированы» [Stewart, S. 20].

Автор обращает внимание на то, что в Германии активизировала свою деятельность, созданная в 2013 г., партия «Единство», которую возглавляет руководитель фракции российских немцев в бундестаге Дмитрий Ремпель. Партия развивает достаточно широкие связи с соотечественниками

в России. К примеру, летом 2016 г. в Крыму были проведены «Олимпийские игры российских немцев». Поддерживаемые Россией, представители «Единства» все сильнее вовлекают российских немцев в политику и общественную жизнь Германии, делает вывод С. Стюарт.

Эксперт предполагала (это было еще до выборов Трампа президентом США), что в марте 2017 г. Кремль даст старт «кампании мира», в ходе которой будет доказываться, что «определенные силы» желают начала третьей мировой войны. При этом акцент будет сделан на том, что эта угроза исходит от США и Германии. США – потому, что они стремятся к мировому господству; Германии – потому, что та развязала Вторую мировую войну и никогда не отказывалась от стремления к военному могуществу. Кульминацией предполагаемой кампании может стать «мирная конференция», которая состоится в мае, спустя день после Военного парада в Москве по случаю Дня победы. К этому мероприятию российской стороной будут привлечены многочисленные немецкие антифашистские силы. Не исключено, что будут попытки провести параллельные мероприятия в Германии, в том числе в Магдебурге партией «Альтернатива для Германии» (АдГ). Помимо этого, в России будут опубликованы многочисленные интервью с выжившими участниками Второй мировой войны, в течение года в кинотеатрах

будут показывать фильмы соответствующей тематики.

Весной и летом 2017 г. Москву посетят многочисленные немецкие бизнесмены и политики, в большинстве своем в качестве туристов, для которых будут организованы встречи с влиятельными российскими персонами. Возможно, некоторые туристы проведут свои отпуска в Крыму. Экстраполяция событий включает в себя празднование в октябре 2017 г. дня рождения Владимира Путина с приглашением бывших немецких политиков высшего эшелона и знаменитостей. «Звездой вечера станет российская немка, исполнительница шлягеров, которая споет для Путина немецкие и русские песни» [Stewart, S. 22]. Эти и другие подобные мероприятия будут рассчитаны на то, что немцы, посетившие Россию (скорее всего члены партии АдГ), после возвращения в Германию организуют протестные демонстрации, главной темой которых станет политика Германии и ЕС в отношении России, в том числе санкции.

По мнению С. Стюарт, российские политики имеют склонность персонализировать международные отношения, поэтому они сделали Ангелу Меркель ответственной за антироссийскую политику. При этом со стороны России предпринимаются попытки углубить существующие в самой Германии противоречия в вопросах российской политики. С этим связываются ожидания того, что можно дискредитировать федерального канцлера, укрепить связи с дружествен-

ными России силами в Германии, скорректировать ее нынешний внешнеполитический курс. В конечном счете это означает, что Евросоюз должен проводить политику, отвечающую интересам Кремля. Для осуществления такой стратегии годятся любые действующие фигуры: от политических партий разного толка до активистов из числа российских немцев, делает вывод автор.

Стюарт обращает внимание на то, что в разных сегментах немецкого общества есть известные персоны, готовые эксплуатировать российские политические цели, поскольку они обещают им выгоды. Кроме того, часть населения ФРГ находится под влиянием настроений солидарности с Россией, что меньше всего связано с ее внутренним развитием, а скорее объясняется внешними факторами, а также проблемами собственной социализации. Этим тенденциям можно лучше всего противостоять, если говорить откровенно о имеющихся социально-экономических слабостях самой Германии, «выносить на обсуждение и осуждать проблематичные российские действия и кампании» [Stewart, S. 24]. Вести неприятный диалог в нынешней ситуации менее опасно, чем вообще не обращаться друг к другу, даже если такой разговор осложняет сотрудничество в краткосрочной перспективе, считает автор.

Душан Рельжич полагает, что в настоящее время Россия ставит Сербию перед выбором: либо стать ее сателлитом, либо залож-

ницей в отношениях России с Западом. В течение 2016 г. первые лица российского государства неоднократно встречались с премьер-министром Сербии Александром Вучичем, пытаясь склонить его к более прочным двусторонним отношениям. Известно, что в феврале 2016 г. сербский премьер подписал соглашение с НАТО, которое регулирует дипломатический статус представителей Альянса в Сербии и дает стране финансовые преимущества. Москва также хотела бы заключить подобный договор с Белградом, однако это стремление не находит отклика у сербского правительства. Его представители объясняют это тем, что такой договор не является необходимым условием «европейского будущего Сербии» [Reljic, S. 27].

В давлении на Сербию Россия может использовать свое право вето в ООН на признание Косова, т.е. снять его, если Белград не прекратит сближение с ЕС и НАТО. По этому вопросу в сербском обществе нет консолидированного мнения. 40% пророссийски настроенных депутатов парламента грозят вынести требования смены внешнеполитического курса на уровень уличных протестов. В случае такого развития событий Вучич, пытаясь остаться у власти, может возглавить движение за смену курса, но он едва ли останется главой правительства и партии. «При новых выборах усилится пророссийская фракция в такой степени, что без нее невозможно

будет сформировать новое правительство» [Reljić, S. 28].

В этом случае ситуация в Сербии и на Западных Балканах вновь станет нестабильной, а политическое значение России для Южной Европы возрастет больше, чем когда-либо после окончания холодной войны. Если подобный расчет России на превращение Сербии в своего сателлита не реализуется, то для Москвы останется вариант сделать эту страну «заложницей в бартерной торговле». В этом случае Западу будет предложено смириться с «аннексией» Крыма.

Вместе с тем исследователь отмечает, что Россия уже не в состоянии распространять свою военную мощь на придунайские страны и Адриатику после постоянного расширения НАТО с 2004 г. Основные российские инструменты влияния в этом регионе становятся все менее действенными. Это – «мягкая сила», зависимость от российских источников энергии и природного газа и наконец опасения, что Сербия может отказаться от претензий на Косово ради возможности вступить в Евросоюз.

О возможных действиях России на японском направлении пишет *Александра Сакаки*. Она не исключает возможности того, что РФ договорится с Токио о Курильских островах и заключит с Японией мирный договор.

Россия очень заинтересована в налаживании двусторонних отношений с этой страной. В условиях ухудшения отношений с Европой, США и НАТО Москва

ищет новых партнеров, чтобы уменьшить международную изоляцию России. С этой целью она активизировала свои контакты с Китаем. Улучшение отношений с Токио могло бы принести пользу для российской политики в Азии в целом. «Если России удастся сильнее диверсифицировать свои отношения с Азией и таким образом вновь расширить автономность собственных действий, то она подойдет ближе к своей цели – стать признанной в качестве “Евро-Тихоокеанской державы”» [Sakaki, S. 36].

Однако такой сценарий несет в себе риск ухудшения российско-китайских отношений. Поэтому Кремль может попытаться наладить более тесную кооперацию с Китаем. Основная опасность для международной политики состоит в том, что Москва может попытаться, используя Токио, расколоть G7.

В статье *Азаде Замирирада* анализируется политика России на Ближнем Востоке. После того, как США вывели в 2011 г. свои наземные войска из Ирака, позиции России усиливаются, она вытесняет США как ключевого партнера этой страны. Автор предполагает, что весной 2018 г. (истекает срок договоренностей с США) иракские политики могут отказаться от союза с Вашингтоном и заключить с Россией двустороннее соглашение по безопасности. В этом случае «Москва обеспечит иракской центральной власти поддержку в сфере логистики, политики безопасности и военных технологий

в борьбе с Исламским государством и возвращение утраченных иракских территорий» [Zamiridad, S. 39]. В соответствии с договоренностями будут предоставлены не только российские системы вооружения, но и обучение иракских сил безопасности по борьбе с терроризмом, совместные военные учения, а также возможность использовать иракские военные аэродромы. «Посредством новой кооперации Россия усилит свое присутствие в сфере политики безопасности на иракской земле. Расширяющееся пространство для действий Москва использует для создания геополитического коридора, который протянется от Сирии до Ирака» [ibid]. Под углом зрения существующих санкций против России и неурегулированного кризиса в Украине Москва использует свое растущее значение на Ближнем Востоке как «рычаг» в соответствующих переговорах.

Более того, весьма вероятно заключение в 2018 г. политического «квази-альянса» четырех стран – России, Ирана, Ирака и Сирии, основу которого составит российско-иранское сотрудничество [Zamiridad, S. 41]. Но, по мнению эксперта, это не будет общий четырехсторонний договор. Скорее можно говорить о свободном тактическом союзе, в котором каждая из сторон станет использовать его по необходимости в целях политического сотрудничества и координации. Для России это не связано с большими финансовыми затратами, поскольку стратегиче-

ски она будет базироваться в районах, прежде занятых американцами.

В третьем разделе представлены статьи экспертов по проблемам Интернета, энергетики и безопасности. Здесь описываются такие гипотетические варианты, как создание Китаем, Россией и Индией сети «EurasiaNet», выход России из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в ответ на развертывание американской системы ПРО в Европе, отмена монополии «Газпрома» на экспорт газа.

В работе *Марселя Дикова* подчеркивается, что совместный проект Китая, России и Индии по созданию новой сети к концу 2018 г. может расколоть всемирный Интернет на две части. Это обусловлено различными техническими и правовыми стандартами, а также политическими условиями. Вероятно, Россия начнет создавать открытые сетевые структуры на своей огромной территории с помощью китайского аппаратного обеспечения. Тем самым будет постепенно ослабевать интернет-связь Европы с Россией.

Летом 2018 г. российский президент может сделать заявление о том, что «его страна в кооперации с Китаем ликвидирует технологический разрыв, существовавший с Западом, и при этом начнет вводить собственные стандарты и инфраструктуру» [Dickow, S. 48]. Россию и Китай объединит стремление к большей технологической независимости, особенно от США. Вследствие этого в отдельных

регионах мира будут все больше изменяться транспортные потоки пакетов данных, например путем введения цифровых водяных знаков. В результате происходящих технологических изменений обмен данными станет все больше концентрироваться на уменьшенных контактах, которые можно будет легко контролировать. Кроме того, новая сеть позволит сделать Интернет инструментом целенаправленной информации.

Оливер Майер рассматривает возможный вариант изменения позиции России по вопросу контроля над ядерными вооружениями. В ответ на наращивание присутствия НАТО в Восточной Европе российская сторона заявила, что это угрожает ее «высшим интересам», поэтому она (в соответствии со статьей XV Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности) может заявить о своем выходе из него. Россия предупреждает, что после заявления о выходе и обусловленного договоренностями срока в шесть месяцев она намерена разместить новое оружие средней дальности сначала на кораблях Балтийского флота, а позднее – крылатые ракеты в районе Калининграда и в западных областях России. «НАТО могла бы избежать такой эскалации, если бы заморозила свои дальнейшие планы по ракетному вооружению, следовательно, не вводила в действие вторую базу ПРО в Польше, как было запланировано, до конца 2018 г.» [Maier, S. 52]. Одновременно Москва предлагает НАТО провести

переговоры о «подлинной кооперации между равноправными партнерами».

По мнению исследователя, существует ряд факторов, которые заставляют Россию модернизировать свой ядерный арсенал: расширение НАТО и ее приближение к российским границам; военное отставание России от Запада; набирающие силу Иран, Индия и Пакистан на южных рубежах РФ. Таким образом, ядерная программа служит своего рода «гарантом независимости, средством устрашения Запада и инструментом влияния на дискуссии внутри НАТО» [Maier, S. 53].

Москва намерена в ближайшие годы подготовить для развертывания около пяти различных типов берегового стратегического оружия. Новые системы носителей для такого оружия должны позволить обойти системы ПРО США и НАТО.

Для Германии и Альянса российский выход из Договора будет означать серьезные последствия. Появится непосредственная угроза новой гонки вооружений в Европе, возрастет опасность применения ядерного оружия. Внутри НАТО могут начаться дебаты о гонке вооружений и о том, сможет ли Альянс выдержать это давление. В свою очередь Россия попытается усилить свой военный потенциал и «отколоть» Европу от США. Обострение ситуации вокруг Договора о контроле над ядерными вооружениями вызовет обсуждение странами – членами НАТО вопроса о возможной реакции на

«провокационные действия Москвы» [Maier, S. 55].

В статье *Кирстена Вестфалья* речь идет о предполагаемом отказе Москвы в 2017 г. от монополии «Газпрома» на экспорт газа, что будет означать появление на европейском рынке других российских производителей – «Роснефти» и «Новатек». Такая либерализация экспорта через газопровод позволит проложить дополнительную ветку «Северного потока-2» через Балтийское море.

В 2021 г. будут введены в эксплуатацию еще два трубопровода. В том случае, если к этому времени будет подключен кабель и начнется эксплуатация независимыми компаниями с правом собственности, из России через «Северный поток» можно будет ежегодно импортировать более 65 млрд м³ газа. «Российские экспортеры газа, такие как “Роснефть” и “Новатек”, завоюют последовательно рыночные ниши в Европе» [Westfahl, S. 57]. Положение на рынке окажется благоприятным, поскольку европейские месторождения газа в Германии, Нидерландах, Великобритании и Дании к 2020 г. будут быстро истощаться. К тому же сократятся экспортные возможности Норвегии, обусловленные повышением стоимости новых геологических изысканий в Норвежском и Баренцевом морях.

До 2025 г. российские экспортеры газа заполнят прежде всего сегменты рынка европейских компаний. В свою очередь, «Газпром» будет защищать свои сильные позиции на рынке, обеспеченные

низкой стоимостью производства и долгосрочными договорами. После того как к этому сроку поставки жидкого природного газа на мировой рынок сократятся, российским компаниям удастся повысить совокупную долю своего участия на европейском рынке далеко за 50% [Westfahl, S. 61].

Путем либерализации экспорта можно будет улучшить ситуацию с доходами в российском госбюджете. Кроме того, так могла бы быть обеспечена поддержка элит и «уравновешены противоречивые интересы экономической элиты в ближайшем окружении Путина».

Такой сценарий развития вовлечет и страны Евросоюза (во всяком случае, отдельные страны) в отношения с новыми российскими поставщиками газа. Но в политическом отношении возникнет вопрос о происхождении российских компаний и «дирижировании их деятельностью из кремлевских кабинетов» [Ibid]. Встанет вопрос о том, что хотя формально российский природный газ поставляется на рынок многими фирмами, но они должны принадлежать лицам из ближайшего окружения Путина, а их договоры одобрены Министерством энергетики. Разговоры о «независимых» концернах могут ввести в заблуждение. По мнению Вестфалья, российское руководство ставит четкую цель – держать стабильными экспортные цены и в этом отношении избегать соревнования между российскими экспортерами газа.

Возможные изменения политики России по отношению к Казахстану и Таджикистану – тема статьи *Себастиана Шика*. В его сценарии центральное место занимает уход Назарбаева и выборы нового президента. Он пишет: «В случае внезапной смерти президента Назарбаева в феврале 2021 г. политическая элита Казахстана расколется на два лагеря» (Schiek, S. 65). Оказавшись под международным давлением, Астана будет вынуждена провести выборы. Согласно сценарию, предвыборную кампанию активно ведет вымышленный «харизматичный кандидат Мухтар Кунанбай», получивший широкую поддержку благодаря националистическим и антироссийским лозунгам. Москва официально объявляет себя защитницей всех русских и русскоязычных жителей Казахстана, получивших незадолго до этого более десятка тысяч российских паспортов. После победы Кунанбая в 40 районах Северного Казахстана, населенных в значительной мере этническими русскими, начинают действовать «отряды самообороны». Одновременно Россия перебрасывает в аэропорт Кустаная спецназ, стягивает войска к границе и начинает широкомасштабные маневры по вторжению в Казахстан.

Происходящие события провоцируют массовые демонстрации протеста в Таджикистане. Они направлены не только против российского военного присутствия в стране, но и против режима, который изображается «марионеткой

Москвы». Наряду с усилением охраны правительственными войсками границ и столицы в отдельных регионах страны появляется «квазинезависимая милиция», все активнее действуют местные лидеры. «В результате Россия сталкивается с антироссийскими идеологиями и движениями сразу в двух государствах на своих “задворках”» [Schiek, S. 69].

Оппозиционные движения в Центральной Азии такой направленности будут иметь далеко идущие последствия для соотношения сил в регионе. Не допустить такой сценарий мог бы общий диалог между государствами Центральной Азии, Россией, Китаем и Евросоюзом, который обеспечит безопасность и стабильность на Новом Шелковом пути, заключает автор.

Франциск Смолник предполагает, что весной 2017 г. станут более активными контакты между официальной Москвой, североосетинским Владикавказом и южноосетинским Цхинвалом. Главными конкурентами в борьбе за посты «главы государства» и «спикера парламента» республики станут Анатолий Бибилов и Леонид Тибилов. Чтобы показать свою лояльность Москве, оба кандидата выступают с предложением провести референдум о присоединении республики к России. В президентских выборах 2017 г. победит Леонид Тибилов, который будет стремиться интегрировать Южную Осетию в состав Российской Федерации. В случае формального вхождения в РФ этой территории

произойдет объединение с Северной Осетией, таким образом появится «Республика Осетия-Алания» [Smolnik, S. 71] как часть Российской Федерации.

Дискуссия о референдуме станет одной из составных частей избирательной кампании, которая будет более агрессивной, чем во время предыдущих выборов. Если 2011–2012 гг. были отмечены политическим кризисом, то в 2017 г. есть угроза его эскалации. Эксперт полагает, что в этот период проявится острая конкурентная борьба между различными группировками за политическое и финансовое влияние в регионе. К вражде элит добавится растущая фрустрация населения, обусловленная низкими зарплатами, высокой стоимостью жизни и растущей безработицей. Положение станет критичным (не в последнюю очередь) из-за военной реформы, проводимой после заключения договора о союзе с Россией. В результате сокращения южноосетинской армии многие военные лишатся своих должностей и хорошо оплачиваемой работы. Недовольный электорат, в руках которого сосредоточилось значительное число оружия, таит в себе взрывную силу.

И все же, как считает автор, референдум состоится в конце весны 2017 г., и предложенные изменения в Конституции будут одобрены большинством южноосетинских жителей, имеющих право голоса. «Они передадут всю полноту власти “главе государства” с тем, чтобы тот обратился к Кремлю с просьбой о приеме Юж-

ной Осетии в состав Российской Федерации» [Smolnik, S. 75].

Ф. Смолник считает, что стремление России объединить Северную и Южную Осетию свидетельствует не столько о желании компенсировать историческую несправедливость (речь идет о событиях 1920 г.), сколько о «ситуативной реакции российского руководства на ряд требований, с которыми оно столкнулось на Кавказе за последние несколько месяцев» [Smolnik, S. 76].

В начале 2017 г. участятся сообщения о новом росте насилия на Северном Кавказе, предположительно со стороны исламистов. Для российского руководства тяжелая социально-экономическая ситуация во всем регионе это не только локальная проблема. Православная Северная Осетия уже долгое время рассматривается большинством политиков как «якорь стабильности» на Северном Кавказе. В российском геополитическом дискурсе всему Северному Кавказу отводится ключевая роль в обеспечении гарантий для территориальной целостности России. «Москва опасается того, что политический кризис на юге может распространиться на Северную Осетию, тем самым ситуация в целом будет дестабилизироваться». Включение Северной Осетии в состав РФ должно успокоить ситуацию и предотвратить появление возможных сепаратистских настроений в некоторых северокавказских республиках.

Авторы заключительной статьи – *Сабине Фишер и Маргарете*

Кляйн исходят из предположения, что в условиях продолжающегося экономического кризиса Владимир Путин объявит о реформировании правительства. Новое правительство провозгласит «глубокие экономические реформы»: либерализацию, разгосударствление и диверсификацию российской экономики. Будут предприняты попытки возобновить сотрудничество с ЕС. Одновременно внешняя политика России станет еще более националистической и жесткой, включая кампании дезинформации относительно Франции и Германии. Будет нарастать напряжение в отношениях с ближайшими соседями, прежде всего с Украиной и Грузией. Кремль усилит военные контрмеры как ответ на Варшавский саммит НАТО, будут выдвинуты требования к атлантическому альянсу отказаться от третьей фазы введения системы ПРО [Fischer, Klein, S. 81].

Отмечается такая особенность нынешней России, как возрастающее переплетение внутренней и внешней политики. Поэтому исследователи считают вполне возможным, что после «перетасовки» в правительстве из России будут исходить двойственные сигналы в адрес отдельных европейских стран и Евросоюза в целом. Ввиду этого рассматриваются две трактовки будущего. Первая – «продолжение стратегической амбивалентности», при которой на политику влияют, с одной стороны, так называемые силовики, с другой – ориентированная на реформы технократическая элита.

Причем по основным внешнеполитическим вопросам их позиции совпадают. Вторая трактовка – «конфликт элит». Этот сценарий возможен в том случае, если в вопросах внешней политики технократы займут принципиально иную позицию, чем силовики. Они попытаются вновь усилить свое влияние на процесс принятия внешнеполитических решений через контакты с западными политиками. Возможна и комбинация этих двух сценариев. Не исключено, что из «прежнего разделения труда между обеими группировками разовьется конфликт элит, поскольку невозможно достичь договоренностей по интересам с обеих сторон на длительную перспективу» [Fischer, Klein, S. 83].

В любом случае, заключают авторы, Германия и Евросоюз окажутся перед выбором принятия собственных решений. При жесткой реакции на политику России можно лишиться перспективы «возможного просвета» в будущих взаимоотношениях. В случае дифференцированных ответов на амбивалентные сигналы Москвы будет утрачена внутренняя согласованность политики западных стран и тем самым основа для решительных действий в отношении России.

Литература

1. Dickow M. Das EurasiaNet – oder wie das Internet zerbrach // Denkbare Überraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Aussenpolitik nehmen konnte. – В., 2016. – S. 47–51.

2. Fischer S., Klein M. Einleitung: Denkbare Überraschungen in der russischen Aussenpolitik // Ibid. – S. 5–14.

3. Fischer S., Klein M. Russland nach den Duma-Wahlen: Reformorientierte Regierung und nationalistische Aussenpolitik // Ibid. – S. 80–84.

4. Fix L., Kempin R. Rechtsruck in Paris: Der Kreml und die französischen Wahlen // Ibid. – S. 15–19.

5. Meier O. Russlands Rückzug aus der nuklearen Rüstungskontrolle // Ibid. – S. 52–56.

6. Reljic D. Russland stellt Serbien vor die Wahl: Satellit oder Faustpfand // Ibid. – S. 27–32.

7. Sakaki A. Durchbruch im Kurilen-Streit zwischen Japan und Russland // Ibid. – S. 33–38.

8. Schiek S. Konfrontation im «Hinterhof»: Russland greift militärisch in Kasachstan und Tadschikistan ein // Ibid. – S. 65–70.

9. Smolnik Fr. «Republik Ossetien – Alania»: Zusammenschluss Nord und Südossetiens in der Russischen Föderation // Ibid. – S. 71–79.

10. Westfahl K. Das Gasprom-Exportmonopol fällt // Ibid. – S. 57–64.

11. Zamiridad A. Russland löst die USA als Sicherheitspartner des Irak ab // Ibid. – S. 39–46.

Л.Н. Шанишева